РАЗДЕЛ ДЕВЯТЫЙ

Через несколько дней после ареста Сергея мама получила официальную повестку, которая обязывала её явиться на колхозный суд в роли свидетеля. В повестке говорилось, что суд состоится в следующее воскресенье – это в начале марта, – а судить будут именно нашего Сергея.

Это было ужасно. Власть нуждалась в маминой помощи для суда над её родным сыном! Как очевидец события, она должна была рассказать суду о том, как происходила рукопашная стычка между Сергеем и "товарищем Хижняком". Мы знали наперёд, что суд не примет во внимание настоящую причину инцидента, ведь любое проявление неповиновения представителю коммунистической власти расценивается как акт предательства, даже когда речь идёт о самообороне.

И вот в следующее воскресенье мы вышли из дома и пошли к тому зданию, которое когда-то было церковью. Шёл снег, и было очень холодно. Сельский клуб люди заполнили, как говорится, по крышу, суд уже заседал. Маму ждал один исполнитель. Он сказал ей, что она не имеет права присутствовать на суде и выпроводил за дверь. Как свидетель, она должна была ждать, пока её позовут. Я хотел остаться с ней, но и этого было нельзя, она должна была ждать вызова одна.

Оказавшись внутри, я был поражён тишиной, царившей здесь, будто и вправду в церкви. Люди сидели молча и сосредоточенно смотрели прямо перед собой, не проявляя никаких чувств. Все мужчины были без шапок, как и тогда, когда в этой церкви велась служба.

Вторым, на что я обратил внимание, была пышность внутренней декорации, если можно так выразиться.

Керосинная лампа мигала посредине под потолком, там, где когда-то было паникадило с хрустальными подвесками. По стенам, прежде украшенным иконами и рушниками на религиозные темы, теперь висели портреты партийных вождей и государственных деятелей. На алтарной стене – там, где была картина "Тайная вечеря", – теперь красовался большой транспарант с надписью "Религия – опиум для народа", написанный красными чернилами. Сам алтарь был переделан на некое подобие сцены, а трибуну щедро украсили красной тканью.

До того времени я ещё ни разу не был на суде, да, собственно, и суда раньше у нас в селе не было. Мы знали, что существует так называемый "народный суд" в районном центре, но нам никогда не приходилось иметь с ним дело. Все свои сельские проблемы община решала сама, не прибегая к посторонней помощи.

Слушание дела моего брата объявили лишь в полночь. Два милиционера завели его в "зал". За эти несколько дней он изменился до неузнаваемости. Он выглядел грязным и истощённым, и каждому было ясно, что его били. У него были синяки под глазами, губы разбиты и на всём лице следы крови... Руки у Сергея были связаны за спиной. Проходя к скамье подсудимых, он озирался вокруг, очевидно ища маму и меня. Милиционеры приказали ему сесть на отведённое для него место. Колхозные суды, согласно официальной линии, считались высшим проявлением народной воли и справедливости. Но мы видели, что в нашем суде безоглядно командует представитель партии тысячник Цейтлин, будто он сам судья. Когда началось слушание дела брата, первым взял слово этот самый "товарищ Цейтлин". В состав колхозного суда входили только чужие для нашего села люди, и ни один из них сейчас не произнес ни слова. Зная по опыту, что "товарищ Цейтлин" любит выступать долго и нудно, далеко уходя от сути дела, мы собрались терпеливо слушать его болтовню. Но, к нашему удивлению, он быстренько перешёл к вине Сергея. Как и следовало ожидать, Сергея обвиняли в физическом покушении на председателя нашей стохатки "товарища Хижняка". Но, кроме того, мы услышали из уст тысячника Цейтлина, что он обвиняется и в нападении на милиционеров; то есть преступление Сергея увеличилось с тех пор, как мы его видели в

последний раз. Это были, конечно, серьезные обвинения, особенно с учетом пришитого к ним "товарищем Цейтлином" уточнения, что нападения на официальных лиц имели место "при исполнении ими служебных обязанностей". Обстоятельства, при которых это случилось, не упоминались.

Зачитав обвинение, "товарищ Цейтлин" сразу начал судовое дознание.

– Какое право ты имел препятствовать представителям партии и правительства в их действиях? – таким был первый вопрос моему брату.

Сергей пытался объяснить, что он ни на кого не нападал, а только схватил "товарища Хижняка" за руку, чтобы тот не выстрелил в мать, и что это было, так сказать, инстинктивное движение, моральный сыновний долг. Но его слова не произвели никакого впечатления на следователя и чужаков из колхозного суда.

– Ты нам глаза не замыливай! – оскалился "товарищ Цейтлин". – А когда отвечаешь, то говори "да" или "нет". Так ты хватал за руку товарища Хижняка?

– И "да", и "нет" – это как с какой стороны посмотреть.

– Да или нет? – настаивал на своём "товарищ Цейтлин".

– Нет! – ответил Сергей, и ещё раз пересказал, что случилось в нашей хате.

Но следователя интересовало лишь то, что официальным лицам оказывали физическое сопротивление при исполнении ими служебных обязанностей. Допрос продолжался, и в ходе его мы слышали, как Сергей вынужден был не раз повторять то самое "да".

В процессе допроса мы узнали, откуда те синяки у Сергея под глазами и как было в действительности с тем "нападением" на милиционера. Так случилось, что у Сергея были с собой карманные часы, когда его привели в тюрьму. Это были часы отца и Сергей ими очень дорожил. Но часы понравились одному милиционеру, который дежурил. Он предложил брату, что будет хорошо к нему относиться в обмен на часы. Брат не согласился. Тогда милиционер предложил ему обменять часы на еду. Сергей и на это не пошёл. Тогда его вызвали среди ночи из камеры и сказали, чтобы отдал часы добровольно. Когда Сергей и на это

не согласился, между ним и милиционером завязалась драка. Досталось крепко им обоим, пока другие милиционеры не пришли на помощь своему коллеге. Синяки под глазами и распухший нос были явными доказательствами для суда. А куда делись часы, об этом никто и не вспомнил.

Теперь "товарищ Цейтлин" обратился к милиционеру, который тогда дежурил возле Сергея.

– Товарищ милиционер, повернитесь лицом к людям, пусть все увидят!

Тот повернулся. Под глазами и у него темнели синяки. "Товарищ Цейтлин" поднялся и обратился к суду:

– То, что вы видите на лице товарища милиционера, является вторым покушением на представителя партии и правительства, также совершенным во время исполнения им своих служебных обязанностей. Напавший, товарищи, здесь, перед народным судом. Я уверяю вас, товарищи, что этому врагу народа не удастся избежать справедливого народного приговора.

Больше ничего он не сказал, но и из этого можно было понять, что судьба моего брата уже решена. Сергей тоже это понял, поскольку явно проявлял признаки озабоченности. Он как-то отчаянно оглядывался, будто ища у кого-то поддержки.

Затем вызвали свидетеля первого "нападения". Это было новостью для меня, поскольку все предыдущие дела рассматривали без участия свидетелей. Первым свидетельствовал сам "товарищ Хижняк". Он тоже должен был отвечать "да" или "нет".

– Дрался ли с вами обвиняемый, товарищ Хижняк?

– Да.

– Обвиняемый хватал вас за руку, когда вы были при исполнении своих служебных обязанностей?

– Да.

– Было ли известно обвиняемому, что вы – официальный представитель партии и правительства?

– Да.

– Подчинился ли обвиняемый вашему приказу, когда вы приказали ему отпустить вас?

– Нет.

– Причинили ли действия подсудимого вам физическую боль?

И ещё множество вопросов было задано "товарищу Хижняку". И на каждый он отвечал лишь "да" или "нет".

После "товарища Хижняка" свидетельствовала женщина, которая в тот вечер была в нашей хате как член комиссии.

– Дрался ли подсудимый с вашим председателем, товарищем Хижняком?

– Да.

– Было ли известно подсудимому, что ваш председатель и все члены комиссии, в том числе и вы, официально представляли партию и правительство?

– Да.

Милиционера тоже вызвали, теперь уже во второй раз. И снова "товарищ Цейтлин" повернул его лицом к залу.

– Кто вам нанёс эти телесные повреждения? – был первый вопрос.

– Подсудимый.

– Причинили ли действия подсудимого вам физическую боль?

– Да.

– Знал ли он, что вы – на государственной службе?

– Да.

– Он вас ударил?

– Много раз.

Вызвали ещё одного милиционера на место для свидетелей. Он тоже должен был отвечать "да" или "нет".

– Вы видели, как подсудимый бил милиционера?

– Да.

Когда вызвали свидетелем нашу маму, она вошла очень спокойная внешне и полная решимости. "Товарищ Цейтлин" предупредил её, что лжесвидетельство сурово карается законом и что нужно отвечать только "да" или "нет". Тогда заговорила мама:

– Прежде чем отвечать на любые вопросы, я хотела бы узнать, где я нахожусь: на партсобрании или на суде?

Эти слова оказались чем-то совершенно неожиданным, особенно для "товарища Цейтлина". Такой вопрос был до сих пор неслыханным. Никто не смел ставить под сомнение заслугу и мудрость партийного руководителя, каким бы начальником

он не был – маленьким или большим. Мать, конечно, не осознавала, что задавая такие дерзкие вопросы, она только ухудшает положение Сергея.

– На суде, – быстро ответил "товарищ Цейтлин".

– А если на суде, то почему это я, или другие люди, вызванные по этому делу, должны отвечать на вопросы ваши, партийного секретаря, а не на вопросы судьи? – спросила мать резким тоном.

Среди присутствующих послышался гул.

"Товарищ Цейтлин" мгновенно нашёлся с ответом, а ответ был таким же неожиданным, как и вопрос.

– Поскольку я являюсь здесь представителем партии и правительства, то я таким образом представляю здесь и законность! – коротко обозначил он, а потом всё же обернулся к судье и велел ему вести дело дальше.

Но мать стояла на своём и выразила резкий протест против незаконного обращения с её сыном. Ведь Сергей всё время сидел с руками, связанными за спиной, и было видно, что ему больно.

Это замечание в защиту Сергея вызвало только смех у "товарища Цейтлина". Потом он напомнил ей, что она должна на вопросы отвечать только "да" или "нет". Затем начался сам допрос.

– Был ли председатель сотни у вас дома?

– Да.

– Схватил ли ваш сын Сергей товарища Хижняка за руку при исполнении им служебных обязанностей в вашей хате?

– Но ведь...

– Да или нет? – перебил маму "товарищ Цейтлин", с яростью глядя на неё.

– Он то схватил, но...

Однако мать не успела сказать, что хотела. "Товарищ Цейтлин" наклонился к судье и что-то ему прошептал. В ту же минуту мать почувствовала, к чему оно клонится, вскочила и громко выкрикнула, что сын только спасал её жизнь.

Но было поздно. Судья объявил, что суд собрал уже достаточно доказательств вины подсудимого. А потом он приказал маме освободить место для свидетелей. Она зарыдала и броси-

лась обнимать Сергея, но чиновники велели милиционерам силой удалить её с этого балагана-суда.

А суд тем временем перешёл к расширению выдвинутых против Сергея обвинений. "Товарищ Цейтлин" назвал его контрреволюционером, врагом народа и потребовал передать это дело на рассмотрение высших судебных инстанций и органов государственной безопасности. Так и было сделано, как того требовал этот партийный товарищ.

Два милиционера вывели Сергея. В ту минуту мы видели его в последний раз. Всех осуждённых на следующее утро вывезли из села. И ни один из них не вернулся.

Через два года мы получили неподписанное письмо. Кто-то неизвестный сообщал нам, что мой брат Сергей умер от истязаний и изнеможения на строительстве Беломоро-Балтийского канала.